Т. А. Касаткина

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: РОЖДЕСТВО И ДЕТСТВО ХРИСТА В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА

Что сказал Достоевский Суворину о продолжении романа?

При обращении к теме о Рождестве изначально были видны лишь две точки, в которых Достоевский очевидным образом обращается к истории Рождества Христова и раннего детства Христова, потом оказалось, что этих точек гораздо больше, а потом оказалось, что из так поставленной проблемы следуют выводы, которые, вроде бы, вообще не могли на этом пути встретиться — в том числе, стало понятно, что на самом деле сказал Достоевский Суворину по поводу вероятного продолжения «Братьев Карамазовых», — и что Суворин вполне точно записал в своем дневнике — и почему эта фраза, будучи на самом деле вполне беспроблемной, вызвала такие баталии — и такие фантазии — среди почитателей и исследователей Достоевского.

После сравнительно небольшого введения я собираюсь сосредоточиться именно на этом высказывании.

В последнее время исследователи Достоевского неоднократно говорили о том, что в «Братьях Карамазовых» практически каждый герой в какой-то момент оказывается у Креста Христова — или даже на Кресте Христовом: в частности, на кресте оказываются Зосима и Дмитрий. У креста в разных позициях: Иван Карамазов, Лиза Хохлакова и другие. Что интересно: практически всегда при этом прикрестном стоянии одного из героев присутствует Алёша, но именно как свидетель

Vicktorovich.indd 70 02.03.2020 22:50:30

и сопровождающий персонаж. С другой стороны, понятно, что когда Алёша присутствует при крестном распятии Зосимы или Мити — это одновременно его собственное предстояние перед крестом Христовым.

В ситуации с Рождеством — с Алёшей почти та же история, хотя, когда выяснилось, что эпизодов, связанных с темой детства Христа, в романе гораздо больше, чем предполагалось в начале, оказалось, что Алеша всё же является протагонистом одного из них.

Перечислим очевидные эпизоды отсылки к Христову детству в романе, проступающие сквозь ткань текста «Братьев Карамазовых». Первый, в самом начале романа, маркированный легко опознаваемой цитатой — и я думаю, что Достоевский это делает для настройки глаза читателя — это эпизод с Фёдором Павловичем Карамазовым. Как мы помним, на первых страницах, где сообщается о странном первом его браке, бегстве жены, и её последующей смерти, Фёдор Павлович, извещённый о кончине супруги, «побежал по улице и начал кричать, в радости воздевая руки к небу: “Ныне отпущаеши”, а по другим — плакал навзрыд как маленький ребенок…» (14, 9)[1] «Ныне отпущаеши» — это реплика старца Симеона Богоприимца, встречающего Младенца-Христа, принесённого на сороковой день в Храм. Замечательно, что здесь два персонажа евангельской сцены даны в одном образе: по одной версии Фёдор Павлович кричит «ныне отпущаеши», воздевая руки к небесам, а по другой плачет, как младенец — то есть внутри него в этот момент встречаются старец Симеон со Христом. Далее Фёдора Павловича назовут «безвременным стариком», что продолжит его связь с этим двойным образом, поскольку старец Симеон — тот, кто по преданию участвовал в переводе Библии на греческий язык семьюдесятью толковниками и засомневался, дойдя в своей части до пророчества Исайи «се дева во чреве

[1] *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. В 30 т.: Л., 1972–1990. Здесь и далее том и страница этого издания обозначены в тексте в скобках после цитаты.

Vicktorovich.indd 71 02.03.2020 22:50:30

приимет», каким словом перевести то еврейское слово, которое могло обозначать как «дева», так и «молодая женщина», склоняясь к переводу «молодая женщина». Явившийся ему ангел указал писать слово «дева» — и обещал, что Симеон не умрёт, пока не увидит своими глазами сбывшегося пророчества. В результате Симеон прожил ещё около 300 лет, ожидая Рождества Христова, нарушая порядок времён. Фёдор Павлович страшно состарился — хотя по годам ещё вовсе не стар, и в нём — в облике, речи и поведении — как бы в неслиянном смешении присутствуют одновременно и древний старик, и младенец.

Следующая сцена, имеющая отношение к детству Христову: мать Алёши, в истерических судорогах протягивающая маленького Алёшу к иконе, под покров Богородицы, вбежавшая нянька вырывает у неё ребенка в испуге. Если наш глаз уже настроен — мы легко опознаем здесь сцену избиения младенцев Иродом (14, 18).

Если мы посмотрим дальше, то самоназвание старца Зосимы, очевидно комплектное к монологу великого инквизитора из поэмы Ивана (Зосима переворачивает ситуацию, называя «малым младенцем» себя, а отцами и учителями — всех им «пасомых» (14, 266), в то время как для инквизитора из «младенцев» состоит послушное ему стадо), в то же время оказывается довольно очевидной аллюзией на проповедь отрока-Христа в Храме, где Он обращается именно к отцам и учителям народа.

Но буквально названное Рождество появляется в романе только в одном образе — и это образ Смердякова. Вот сцена, где не просто употребляется соответствующее слово, но оно оказывается дополнительно выделенным аллюзиями на библейский текст. Эту сцену проявления Рождества в жизни персонажа тоже наблюдает Алеша, и эта сцена происходит в *саду*. Сцена вся значима и взывает к интерпретации, но выделим сейчас лишь то, что относится к нашей теме самым непосредственным образом. Итак: сад, в котором Алёша видит *древнюю* скамейку, и где вообще на каждом шагу подчёркивается вет-

Vicktorovich.indd 72 02.03.2020 22:50:30

хость и древность, намекающая на самое далёкое и глубокое, невозможное прошлое, и в саду — вкрадчивый, льстивый, обволакивающий голос, славящий ум и *познания* героя: « — Как вы во всём столь умны, как это вы во всём произошли? — ласкался всё более и более женский голос.

— Я бы не то ещё мог-с, я бы и не то ещё знал-с, если бы не жребий мой с самого моего сыздетства. Я бы на дуэли из пистолета того убил, который бы мне произнёс, что я подлец, потому что ***без отца от Смердящей произошел***, а они и в Москве это мне в глаза тыкали, отсюда благодаря Григорию Васильевичу переползло-с. Григорий Васильевич попрекает, что я против ***рождества*** бунтую: "ты дескать ей ложесна разверз". Оно пусть ложесна, но я бы дозволил убить себя ещё во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходить вовсе-с. На базаре говорили, а ваша маменька тоже рассказывать мне пустилась по великой своей неделикатности, что ходила она с колтуном на голове, а росту была всего двух аршин с малыим. Для чего же с малыим, когда можно просто с малым сказать, как все люди произносят? Слёзно выговорить захотелось…» (14, 204)

Здесь не просто Рождество названо буквально, и Смердяков говорит о своём рождении как о рождестве, — но здесь начётчик Григорий Васильевич прямо цитирует Библию, где о первородённых сказано (и слово «ложесна» употребляется исключительно в связи с этим установлением): «вот, Я взял левитов из сынов Израилевых вместо всех первенцев, разверзающих ложесна из сынов Израилевых [они будут взамен их]; левиты должны быть Мои, ибо все первенцы — Мои; в тот день, когда поразил Я всех первенцев в земле Египетской, освятил Я Себе всех первенцев Израилевых от человека до скота; они должны быть Мои. Я Господь» (Числ. 3, 12–13). В соответствии с этим законом Младенца Иисуса приносят в Иерусалимский храм: «А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу»

Vicktorovich.indd 73 02.03.2020 22:50:30

(Лк. 2, 22–23). Достоевский ставит эту фразу Григория в притяжении к слову «Рождество», чтобы мы, читатели, не пропустили намёка; он, как всегда, предлагает текстовую рифму, чтобы удостоверить нас в том, что это не ошибка восприятия.

То есть: рождество, ложесна — и дальше, говоря о Смердящей — «с малыим <…> Слёзно выговорить захотелось»: очевидная и внятная отсылка к той умилительной, «слёзной» лексике, что употребляется в простонародных высказываниях применительно к Богоматери и новорождённому Младенцу-Христу. Вот, например, как это звучит в народной драме «Смерть царя Ирода»:

Нова радость стала,
Яко в небе хвала,
Над вертепом звезда ясна,
Светла возсияла.
Пастушки идут с ягняткам,
Перед ***малыим*** Дитятком
На колени упадали,
Христа прославляли[2].

В дополнение к сказанному нужно вспомнить, как описан момент зачатия Смердякова: когда компания «***высшего*** общества» стоит вверху — а глубоко внизу, в яме, лежит Лизавета Смердящая, и идёт разговор о том, можно ли такого зверя счесть за женщину. Заданный этой сценой разрыв между «интеллектуальным» верхом и чисто телесным, сугубо плотским низом прозрачно указывает на гораздо более радикальный разрыв между Творцом и тварью, соединяющимися в процессе осуществления тайны Боговоплощения.

Повторим: Алёша почти всегда оказывается при этих явлениях истории детства Христова (за исключением истории

[2] См.: *Давидова М. Г.* Новгородский вертеп. — https://www.portal-slovo.ru/art/36130.php?ELEMENT_ID=36130&SHOWALL_1=0 (Дата обращения: 28.09.2019).

Vicktorovich.indd 74 02.03.2020 22:50:30

Фёдора Павловича, по понятным причинам: он тогда ещё не родился), как и при историях стояния у креста (или пребывания на кресте). Он как бы собирает в себе все эти осколки истории Христовой, *которые являются в разных людях* — в общем теле Церкви (подчеркнём: Церковь тут не религиозная организация, а телесное соединение всех людей в созидании Тела Христова) — и тут его главное отличие от истории князя Мышкина, который *противопоставлен* остальным героям по мотиву явления в себе Христа. Мы видим, что Достоевский учёл то, что — и то, *почему* — «не получилось» в романе «Идиот», где герой является как единичный носитель Христа в себе (на самом деле, и в «Идиоте» это не совсем так, там пара героев — носителей Христа, но об этом нужно говорить не мимоходом). В «Братьях Карамазовых» нам предъявлено явление Христа в каждом персонаже, в пространстве любой человеческой жизни, собираемое, соединяемое в единое целое *взглядом* героя.

Сказав об этом принципе построения романа «Братья Карамазовы», обратимся к предисловию «От автора», к тем полутора страницам, на которых в этом романе действительно ведётся повествование от автора: ибо всё дальнейшее будет известно нам из уст рассказчика.

Прежде всего, автор на протяжении всего предисловия именует Алёшу Алексеем Фёдоровичем, так что начнём анализ с имени героя.

«Алексей Фёдорович» значит буквально «Защитник Божиего дара», что само по себе может служить описательным именованием Христа, принимающего смерть, чтобы восстановить в растлевшемся грехом человечестве и каждом человеческом теле целительное действие образа Божия — главного Божиего дара человеку — тем более, что, как мы видели выше, Алексей Фёдорович Карамазов — защитник и собиратель Божиих даров, рассыпанных по чёрной земле, раскрывающихся в сердцевине жизни каждого человека.

Далее, характеризуя героя, Достоевский говорит, что он

Vicktorovich.indd 75 02.03.2020 22:50:30

«деятель, но деятель неопределённый, не выяснившийся» — то есть не деятель в какой-нибудь *области* или *сфере*, а деятель *вообще*, *над* сферами и областями, деятель *в целом*. Как выяснится в главе «Кана Галилейская» — *деятель над всею землёю.* «Деятель» в языке той эпохи прежде всего значило «преобразователь». Итак, перед нами преобразователь/преобразитель земли.

Далее: «это человек странный, даже чудак. Но странность и чудачество скорее вредят, чем дают право на внимание, особенно когда все стремятся к тому, чтоб объединить частности и найти хоть какой-нибудь общий толк во всеобщей бестолочи. Чудак же в большинстве случаев частность и обособление. Не так ли? Вот если вы не согласитесь с этим последним тезисом, и ответите: “Не так” или “не всегда так”, то я пожалуй и ободрюсь духом на счёт значения героя моего Алексея Фёдоровича. Ибо не только чудак “не всегда” частность и обособление, а напротив бывает так, что *он-то пожалуй и носит в себе* иной раз *сердцевину целого*, а остальные люди его эпохи [уточнение «его эпохи» здесь, пожалуй, можно опустить, чтобы отчетливее увидеть цель этого описания — *Т. К.*] — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались…» (14, 5) Собственно, перед нами довольно очевидное и адекватное описание Христа по отношению к людям в состоянии грехопадения: ибо Он есть тот, кто несёт в себе истинную человечность и истинную неповреждённую природу человека, «сердцевину целого» — а все остальные люди «каким-то наплывным ветром на время от него оторвались» — и суть пришествия Христова именно в том, чтобы восстановить эту оборвавшуюся связь.

Таким образом, Достоевский отчётливо и почти прямолинейно настраивает нас в предисловии на восприятие героя как христоподобного, проходящего путём Христа.

Дальше нам сообщат, что Алёше 20 лет, а действие следующего, основного, романа должно произойти через 13 лет — то есть, когда герой достигнет возраста Христова Распятия.

Vicktorovich.indd 76 02.03.2020 22:50:30

Теперь вспомним, что же буквально сказал Достоевский Суворину, дневниковая запись которого послужила главным источником версии продолжения «Братьев Карамазовых», в которой Алёша становится цареубийцей.

Он, по воспоминаниям последнего, «сказал, что напишет роман, где героем будет Алёша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы *политическое* преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду, и в этих поисках, естественно, стал бы революционером...»[3]

И вот на основании этой записи некоторые достоевисты почему-то приходят к выводу, что идея предполагавшегося второго романа Достоевского состояла в том, что Алёша совершит *государственное* преступление, причем Игорь Волгин[4], а

[3] *Суворин А. С.* Дневник. М.; Пг., 1923. — http://az.lib.ru/s/suworin_a_s/text_1907_dnevnik.shtml (Дата обращения: 17.09.2019).

[4] См. *Волгин И.* Последний год Достоевского: Историч. записки. 4-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 30 и далее. Игорь Волгин приводит ещё заметку от 26 мая 1880 года в одесской газете «Новороссийский телеграф», о которой Достоевский, впрочем, скорее всего, вообще не знал: «...из кое-каких слухов о дальнейшем содержании романа («Братья Карамазовы». — *И. В.*), слухов, распространившихся в петербургских литературных кружках, я могу сказать... что Алексей делается со временем сельским учителем и под влиянием каких-то особых психических процессов, совершающихся в его душе, он доходит даже до идеи о цареубийстве» (Указ. изд. С. 30).

[5] «Главным героем эпопеи «Братья Карамазовы» Достоевский мыслил Алёшу. Это был, видимо, жертвенный образ революционера-мученика. Страстный правдоискатель, он в юности прошёл через увлечение религией и личностью Христа. Но из монастыря он пошёл в мир, познал его страсти и страдания. Пережил бурный и мучительный роман с Лизой Хохлаковой. Душевно разбитый, он ищет смысла жизни в деятельности на пользу ближних. Ему нужны активность и подвиг. В общественной атмосфере конца 70-х годов он становится революционером. Его увлекает идея цареубийства как возбуждения всенародного восстания, в котором потонут все бедствия страны. Созерцательный инок становится активнейшим политическим деятелем. Он принимает участие в одном из покушений на Александра II. Он всходит на эшафот. Главный герой эпопеи о современной России раскрывает трагедию целой эпохи с её обречённой властью и жертвенным молодым поколением» (*Гроссман Л.* Достоевский (сер. «Жизнь замечательных людей»). Гл. XIX. Роман-синтез. — http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/grossman-dostoevskij/glava-xix-roman-sintez.htm (Дата обращения: 17.09.2019).

Vicktorovich.indd 77 02.03.2020 22:50:30

ранее — Леонид Гроссман[5], договорились аж до цареубийства. При этом исследователи, придерживающиеся другой точки зрения на роман и героя, зачастую вообще склонны отвергать свидетельство Суворина, утверждая, что логика художественного развития героя и романа совершенно исключают возможность такого развития событий[6].

И, однако, всё, что было сказано здесь ранее, даёт возможность с уверенностью заявить, что свидетельство Суворина абсолютно точно, логика текста и характера предполагает именно такое развитие событий, как описано у Суворина — но при этом ни в коем случае не такое, как предположено Волгиным.

Чтобы понять, в чём тут дело, нам нужно вспомнить, что Христос — это политический преступник, *казнённый именно как политический преступник*. Над Его головой прибивают табличку «Иисус Назарянин Царь Иудейский», что означает обвинение по политическому мотиву (посягательство на власть правящего императора) и казнь по политическому мотиву. Заметим, что, в то время, как упомянутые достоевисты делают акцент на домысленном ими *убийстве*, совершённом или задуманном героем, сам Достоевский делает акцент на *казни героя*. Алеша должен умереть так же, как Тот умер на кресте.

Ошибка Гроссмана и Волгина, скорее всего, связана с неверным представлением о квалификации преступлений. Достоевский в записи Суворина говорит именно о *политическом* преступлении. Между тем цареубийство не квалифицировалось как политическое преступление. Оно квалифицировалось как преступление уголовное. В Российской Империи в период написания и действия романа им занимался верховный уголовный суд.

В международном праве с 1867 года (заметим — буквально с того года, которым Достоевский обозначает время действия в романе «Братьев Карамазовых») Россия принимает

[6] См., например: *Белов С. В.* Загадка смерти Фёдора Достоевского, или Алёша Карамазов — цареубийца. — https://saygotakamori.livejournal.com/3127.html (Дата обращения: 17.09.2019).

Vicktorovich.indd 78 02.03.2020 22:50:30

бельгийскую формулу, к которой, после её принятия Бельгией в 1856 году, присоединились все европейские страны, кроме Швейцарии, Англии и Италии. Необходимость этой формулы в середине XIX века связана с тем, что в лишь конце XVIII столетия впервые был прямо поставлен принцип невыдачи политических преступников, хотя он и не соблюдался последовательно и неукоснительно. Известный русский правовед Н. С. Таганцев пишет: «В законе этом постановлялось, что не должно считаться политическим преступлением, ни деянием, ему сопредельным, посягательство на главу иностранного правительства и членов его фамилии, когда это деяние составляет предумышленное или непредумышленное убийство или отравление, а в мотивах к законопроекту было сказано: "Цареубийство во всех отношениях должно считаться равным с посягательством на жизнь частного лица. Жизнь иностранного монарха должна пользоваться покровительством наравне с жизнью всякого иностранца, не более, но и не менее. Сделать более — значило бы в самом деле возвести цареубийство в политическое преступление, дать ему печальное преимущество и в то же время допустить то, что все мы отвергаем, т. е. политическую выдачу. Сделать менее — значит исключить иностранного принца из общего права и узаконить несправедливость"»[7].

Таким образом, цареубийство, то преступление, которое наиболее кажется нам невероятным и отторгается нашим сознанием при мысли об образе Алексея Фёдоровича Карамазова — и которое ему, возможно, именно поэтому: с тем, чтобы усилить шоковое воздействие этой информации на читателя, довести предполагаемое изменение образа до nec plus ultra, — пытались приписать Гроссман и Волгин, сами талантливые авторы, к тому же, в силу идеологических установок того времени, когда формировались их базовые представления, рассматривавшие цареубийство как политическое преступление по пре-

[7] См.: *Таганцев Н. С.* Уголовное право (общая часть). Ч. 1. Б. м., 1902. § 91. Выдача виновных в политических преступлениях. — http://www.pravoznavec.com.ua/books/36/2189/28/ (Дата обращения: 17.09.2019).

Vicktorovich.indd 79 02.03.2020 22:50:30

имуществу, — никак не могло иметься в виду Достоевским, говорившим Суворину о *политическом* преступлении героя в полном соответствии с законодательством своего времени, о котором он был хорошо осведомлен — и проблемы реформы которого (в области церковного суда) нашли прямое отражение в тексте «Братьев Карамазовых».

Говоря об Алёше как о политическом преступнике, Достоевский имел в виду не членов «Народной расправы» или «Народной воли» — а себя, боровшегося с несправедливостью именно политическими методами. Он за чтение и за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского был приговорён к расстрелу. Для него политическое преступление связано с собственной историей — и с историей Христа, наказанного ***смертью за слова***. В понятие политического преступления для Достоевского непременно включалось представление о непаритетности взаимодействия сторон, о словесной проповеди иного, высшего, братского способа существования человечества с одной стороны — и защиты режима путем убийства проповедников с другой.

Кроме того, судя по ходу первого романа, по тому, как Алёша впитывает в себя все события, происходящие с каждым персонажем романа, которые/которых он должен соединить *всех в одно* в свои 33 года — в единую историю Христа на земле, проходящего через каждую человеческую судьбу; судя по Митиному приговору, осуждающему его страдать *за другого*; судя по главному принципу человеческого бытия, высказанному старцем Зосимой: «каждый перед всеми за всех и за всё виноват», — можно догадаться, что Алёша, скорее всего, тоже должен был взять на себя чью-то вину — как это сделал и Христос, умерев за грехи всех в человечестве. Разница с первым романом заключалась бы в том, что Митя берёт на себя чужую вину невольно — а Алёша взял бы её на себя вольно, повторив буквально последние дни пути Христа в новом времени.

Vicktorovich.indd 80 02.03.2020 22:50:30

Надо сказать, что Достоевский продумывал ситуацию казни Христа как именно политического преступника на протяжении долгих лет. Вот, например, записи, на протяжении 2 лет повторявшиеся в записных тетрадях к роману «Подросток», прямо предшествовавшему «Братьям Карамазовым»:

«В Англии судили Христа» (16, 41).

«Процесс Христа в Англии» (16, 277).

«Немец говорил о лодке в Англию и о процессе Христа и проч.» (16, 180).

«О том, как в Англии нарочно процесс Христа делали и решили, что достоин казни» (16, 184).

В окончательном тексте романа Версилов рассказывает эту историю как некий курьёз, из которого, однако, виден ход размышлений Достоевского над проблемой: «Представь, Петр Ипполитович вдруг сейчас стал там уверять этого другого рябого постояльца, что в английском парламенте, в прошлом столетии, нарочно назначена была комиссия из юристов, чтоб рассмотреть весь процесс Христа перед первосвященником и Пилатом, единственно чтоб узнать, как теперь это будет по нашим законам, и что всё было произведено со всею торжественностью, с адвокатами, прокурорами и с прочим... ну и что присяжные принуждены были вынести обвинительный приговор... Удивительно что такое!» (13, 222).

Таким образом, в этой будоражащей до сих пор умы записи Суворина о возможном продолжении «Братьев Карамазовых» не сказано ничего невозможного и неожиданного для того Достоевского, которого мы знаем, в ней выражено лишь намерение завершить, наконец, роман о Христе, проходящий единой линией через всё творчество Достоевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90023 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-90023.

Vicktorovich.indd 81 02.03.2020 22:50:30